

18+

Миша Джексон

ЖИТЬ во флигеле

Сборник рассказов

Миша Джексон

**Жить во флигеле.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Джексон М.

Жить во флигеле. Сборник рассказов / М. Джексон —
«Издательские решения»,

Перед вами второй сборник моих рассказов, написанных в разное время,
но преимущественно в двух местах. В какой-то степени он — предтеча моего
уже большого текста про девяностые годы.

Жить во флигеле

Сборник рассказов

Миша Джексон

© Миша Джексон, 2026

ISBN 978-5-0069-8092-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЖИТЬ ВО ФЛИГЕЛЕ

INTRO

Перед вами второй сборник моих рассказов, написанных в разное время, но преимущественно в двух местах. В какой-то степени он — предтеча моего уже большого текста про девяностые годы.

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

(Осенью 2021 года, в рамках личной терапии, я отправлял друзьям просьбу: пришлите мне тему для рассказа. Литератор и педагог Макс Дениев прислал мне словосочетание «Пять камней». Я написал рассказ, который показался ему излишне манерным, и тогда уже я написал этот текст...)

Максу Дениеву

А я вот хорошо помню тот день. И вечер накануне. Я позвонил из телефона-автомата поэту Глебу Горлицкому и он продиктовал мне адрес в Ленинске: улица Соединяющихся Пролетариев дом двадцать четыре.

Утром я собрал сумку и поехал на автобусе из Ударников в Советск. Полчаса мерз на платформе. Потом два часа с удовольствием ехал (бывают такие моменты в жизни, когда приехать не больно-то хочется...). Я даже помню, что читал по дороге: «Маленького господина Фридемана» Томаса Манна и старался запечатлеть березы. И говорил себе внутреннее: «Вот вот эти белые стволы я запомню, как они стоят, вот эти скрещенные, запомню навсегда...» А фоном у меня в голове играл трек «Седьмая песня» из альбома «Я остаюсь» группы «Черный обелиск». Плеера у меня тогда не было.

В Ленинске я оказался сильно раньше начала фестиваля, успел побродить по небольшому центру и сильно промочить ноги. Шёл снег большими хлопьями. С массивного барельефа многоэтажки на меня смотрели жизнерадостные советские люди. К училищу имени Сергеева, где должны были собираться молодые писатели и поэты, я подошел в состоянии почти физического и нервного истощения.

(Кстати, знаешь, кто такой Сергеев? Оказывается, композитор, к которому приревновал свою жену великий писатель Леон Тонкий...)

Ну, дальше ты, наверное, помнишь мой бенефис в результате которого, вокруг меня собрались симпатичные молодые люди: Шура Вареников, Георгий Ус и ты, Макс. Господи, какой я тогда был одновременно смелый и неуклюжий.

Мы пили водку в городском парке. Точнее пили вы. А я отказался, сославшись не операцию. Наврал. Представляешь, я тогда не пил по идеологическим соображениям, которые

затруднялся вменяемо вербализовать. Тебя задело, что Вареников уточнил твоё образование (он сравнивал себя с Баратынским!). «Да меня в этот университет приглашали преподавать!» — ты потом смешно махал руками, обосновывая мне за регалии. Уж не помню, куда тебя приглашали. Думаю в места вполне достопочтенные. Мне, в сущности, было все равно. Очевидно, из нас четверых ты был самый яркий и конкретно очерченный.

Помнишь Кима Шхунова? (или Хшунова?) Театр кукол? Там был у нас один вечер? Два? Три?

Холодный ртутный свет,
И визги мальчиков, и девочек.
Родитель, прячущий букет.
Когда меня не станет,
Сюда заглянешь, вспомнишь
— Нескладную фигуру... «О, привет».
Набившее оскомину проявится,
О том, что потерявши плачем.
Не теряй, малыш.

Помнишь Натэллу Викторовну? Как он к ней приставал? Как ей декламировал?

Оттолкнуться рукой от стены.
Я стою на пороге школы.
Дождь прочистил асфальта поры.
И парит от сырой земли.
Я курю. Сизеватый дым,
Просмолил мне лицо и плечи.
Серой тюлью спадает вечер.
Я сегодня ночью один.
Девяностые. Дома икра —
Контрабанда из Оренбурга.
Я читаю Фрейда и Юнга, И воюю с десятым «А».

И ещё:

Что будет дальше — я не знаю.
Наверно, тьма, а может свет.
И мне не нужен твой совет.
Я так и так, не прогадаю.
Мой выход восемь, грязный пол.
Молись, люби — мне нету дела. Замри! (Как ты мне надоела...)
Ну, ладно. Хватит. Я пошёл.

Ты признал его стихи гениальными. Правда, будучи в подпитии. Кстати, этого поэта невозможно найти. Ни одна поисковая система его не выдаёт. Ким... Ким... Где же ты?

Этот мартовский снег,
Это небо и чёрные ветки.
Не спешит человек, Выбираться из мышечной клетки.
Не пугай нас
Неправильной фазой луны

И ценой воскрешения.
Не ругай, У оброненной фразы жены
Нет большого значения.
Ты пока ещё ноль Или нуль, как угодно лингвистам.
Серебро, канифоль,
На ребре и на теле плечистом.

Прошло больше десяти лет. А я до сих пор помню эти строки:

Серая бумага, белый карандаш.
Тянет поясницу полный патронташ.
По дороге топкой, по лесной тропе,
Нарисую линию, намалюю две.
Звонкие, никчемные, Лай и быстрый шаг.
Строки потаенные Суета собак.

Ты забрал у него мятые листки и обещал что-то с ними хорошее сделать. Потом.

Жизнь проморгала гения.
Полтора стихотворения.
Унесу в могилу.
Поездами, самолетами.
Заболоченными тропами.
Как-нибудь да сгину.

...Как-то мы с тобой размежевались... Ты просто куда-то сгинул. В работе секций не участвовал. А тебя, между прочим, на последнем пленарном заседании в Союз писателей приняли. На банкет я не остался. Свой талон отдал Усу, он ответил: «Я его с удовольствием проем и пропью, а потом меня вырвет!» Что-то панковское в нём было... Я пошёл пешком на вокзал Ленинска, по дороге купил слоёных языков и сосисок. Хотел что-то домой из еды привезти. Ноги опять промочил... В электричке на обратном пути сильно замерз, но все равно слабо гнущимися пальцами по памяти занёс в коричневый ежедневник в дерматиновой обложке ФИО писателей и поэтов, от которых в жизни решил держаться подальше. На вокзале в Советске, пока ждал маршрутку, медитировал под мелодию детского игрового автомата: «тым-тым-тым-тыдым-тыдыдым-тыдыдыдым» и так бесконечное количество раз, с ложными повышени-ями нот. Родители пирожным и сосискам обрадовались. Я лёг в большой комнате, собирался посмотреть ночной канал на НТВ, но быстро уснул. Проснулся — на экране серые помехи. Пошел на кухню. Съел холодную сосиску. Воды попил. Подумал о тебе.

Не хочу я называть текст «пять камней». Это какое-то старопердунство. Особенно, если их перечислить: перидот, опал, рубин, нефрит, оникс. Меня сейчас вырвет.

октябрь 2021

ТОЛКИН

Лариса. Какое до беспощадности актуальное кино вы мне порекомендовали. Тем не менее, я посмотрел его в четыре приёма с большим удовольствием. Я давно не отвлекался на художественные фильмы от разного сорта документалистики и беллетристики. А тут у меня было хорошее оправдание: самотерапия. Спасибо вам.

Я смотрел спокойно, вдумчиво, дышал и останавливался в своих мыслях.

Первый хороший признак — из меня постепенно уходит зависть к чужому успеху. Раньше я бы завидовал и актеру, и режиссеру, и потрясающему Томасу Ньюману, написавшему музыку к фильму (я узнал его по созвучию сэмплов из «Пассажиров» и даже отголоскам из «Красоты по-американски») и самому Толкину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.